

6. *Конопкин О.А.* Феномен субъектности в психологии личности // Вопросы психологии. 1994. №6.
7. *Конопкин О.А.* Психическая саморегуляция произвольной активности человека (структурно-функциональный аспект) // Вопросы психологии. 1995. №1.
8. *Пряжникова Е.Ю.* Факторы профессионального самоопределения преподавателей педагогических вузов // Вопросы психологии. 1994. №6.
9. *Хьелл Л., Зиглер Д.* Теории личности. СПб, 1999.

О.С. ДЕМИНА, Ю.А. КОЛМАКОВ
ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВЫ ДУХОВНОСТИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ПРЕДФИЛОСОФСКОЙ ТРАДИЦИИ

Первоначально ценность – это все-таки то, что сформировано, а не сформулировано. Сфера необходимо-должного сначала определялась поступком, задающим некоторый социально приемлемый поведенческий масштаб, а не рассуждением «что есть благо». Последнее возникло как философская реакция на то, что совершается людьми «по образцу», а не «по истине». Имена тех, чьи деяния стали ценны и повторяемы не менее известны, чем имена размышлявших о ценностях и проговаривавших их для нас. Наряду с многочисленными отцами «золотого правила нравственности», что у каждого исторического народа были свои, национальные традиции хранят имена героев, что первыми совершали те или другие культурные деяния, отделяя человеческое от природного, должное от стихийного. Повествования о культурных героях составляют наиболее динамичное звено любой мифологической системы, и, как отмечает Е.М. Мелетинский, творческое деяние в фольклоре архаических обществ, как правило, направленно на «приобретение ценностей» [2, с.22]. Вместе с тем, только немногие поступки демиургов – культурных героев имеют общечеловеческое нравственное значение. Например, существует несколько версий мифа о Прометее, в которых мотивы его решения облагодетельствовать людей представляются весьма различно – и на месте становящегося самопожертвованием альтруизма оказывается гордыня, а то и просто желание отомстить богам за падение титанов. В германском героическом эпосе причины, толкающие великана Зигфрида к тому или другому деянию, часто находятся «по ту сторону добра и зла» – становясь источником вдохновения для имморализма Ницше, признающего только ценность поступка сверхчеловека. Русский героический эпос определенно другой. Он тоже насыщен сверхчеловеками, но поступающими по-человечески. Поступки богатырей в русском героическом эпосе – суть отечественной предфилософской традиции – основания русской духовности, ее ключевого ценностного набора. Конечно, русские богатыри часто совершают необдуманные поступки и богатырская удаля становится

опасна для окружающих – вспомним Волха Всеславьевича, что в младенчестве стал на княжеский двор погуливать и княжичам ручки-ножки выдергивать. Но проблема здесь в том, что русская предфилософская традиция знала разных богатырей. Неразумны и буйны, как правило, великаны-старшие волоты – Святогор, Волх, Сухман, Дунай, Дон. Они лишь имеют человеческий образ – более ничем они с человеком не связаны, как греческие титаны или германские великаны. Их деяния не направлены на благо Руси, они вообще не обладают пониманием блага, существующего за пределами их собственных желаний. Связанные с землей, с ее темными хтоническими силами великаны-волоты как правило не в состоянии ни совладать с ней, ни найти этой силе применения – героически-воинского (как у Ильи Муромца и других русских богатырей, охраняющих границу) или хозяйственно-производительного (как у Микулы Селяниновича). Младшие богатыри не обладают своей силой по рождению, но получают ее выдерживая испытание, в котором утверждается их право на творение актов силы. Так, Бог дарует Илье Муромцу ноги и тут же подвергает испытанию алчностью. Илья, предпочтя силу богатству, обнаруживает свое духовное богатство ранее физического и все его последующие свершения результат сознательного, возможно нравственного выбора, а никак не прихоти. Проводниками каких же представлений о должном являются «младшие» богатыри? Какие именно нормы духовной жизни сформированы ими?

Ситуация выбора пути, возникшая у развилочного камня, разрешается былинным богатырем в рамках поведенческой модели, что философским знанием была найдена только в середине XX века. По правилам его века он должен был остаться у камня и ждать знамения, попытаться узнать путь по рунам или наконечникам стрел, брошенным на землю или, что еще более вероятно, принести жертву. В мифологии многих народов, в том числе и славян, развилочный камень – жертвенный камень. Житейская мудрость подсказала бы богатырю выбор богатства или супружества, но он натравляет коня туда, где ему, Илье, а в иных вариантах былин – Алеше Поповичу или Василию Буслаеву «убитым быть». Однако дальнейшее повествование указывает, что выбор смерти оказывался выбором жизни (смерть Василия Буслаева спасает жизнь его дружине). Налицо ситуация абсурда, описанная экзистенциалистами XX века, предтечей которой был глубоко проникший в специфику русской души Ф.М. Достоевский. Неужели русская духовность покоится на абсурде? Даже беглый экскурс в отечественную историю позволяет заключить, что ее основные вехи – суть выборы сделанные нашими предками – править самим или призвать варягов, принять православную веру или иную, и так вплоть до американского или прусского пути в капитализации сельского хозяйства и даже далее. Если смотреть с позиции основных современных

геополитических приоритетов России, большинство исторических решений сделанных ранее противопоставили ее западной цивилизации, а, следовательно, были абсурдны. Вместе с тем именно эти решения определили содержание особой, не европейской и не азиатской – российской духовности. По мнению С.А. Азаренко: «Русская культура желает быть русской, а не какой либо другой» [1, с.49]. Отличие отечественной духовности в от западной состоит в различии смыслов, вкладываемых в базовые культурные метафоры: для Европы «спор – это война, труд – это ресурс, время – это ресурс»; для России «любовь – это страдание, труд – это добро, время – мудрость жизни»[1, с.202]. Следовательно, не только любовь или война, но также и трудовая деятельность для русского человека не является самоцелью и тем более не ключом к материальному благополучию. Экзистенциальность русского поступка есть не только предпочтение абсурда, но и упование на Бога. Становление данных ценностных основ духовности требовало особых проводников, утвердивших «благо» своей культуры не только в предпочтении абсурда – обыденности, удали – размеренности, но также в любви и в Боге. Этими проводниками и стали «младшие» богатыри. Например, Илья Муромец даже удостоился общенациональной канонизации. Мощи Ильи – православная святыня [3, с.140]. В православных календарях память «преподобного Ильи Муромца в XII веке бывшего» отмечается 19 декабря. Интересен вопрос о его заслугах перед церковью, что связаны со строительством храмов. Речь идет о древнейших Киевских храмах, как следует из варианта былины, в котором Илье приписывается начальный этап строительства церкви Успения пресвятой Богородицы Киево-Печерского монастыря: «И построил он церковь соборную / Тут Илья и окаменел / И поныне его мощи нетленные» [4]. Можно говорить о богатыре как об одном из первых святых на Руси.

Итак, отечественная духовность, точнее ее базовый ценностный набор, имеет богатырское происхождение. Предпочтение неявного – данному и божьего – земному, не связанного с отказом от земли и жизни на ней, но с утверждением права на хождение по ней (отсюда исконно-русское странничество), а не только работы и труда – заслуга «младших» богатырей. Заслуга русского народа, видевшего и понимавшего себя в богатырских свершениях.

Литература

1. Азаренко С.А. Топология культурного воспроизводства. Екатеринбург, 2000.
2. Мелетинский Е.М. Избранные статьи. Воспоминания. М., 1998.
3. Новичкова Т.А. Эпос и миф. СПб., 2001.
4. Песни, собранные П.М. Рыбниковым: В 3 т. Петрозаводск, 1989-1991. Т.2.